

ЖДЕМ ОБЪЕДИНЯЮЩИХ ИДЕАЛОВ

Канонизация царской семьи: памятник государственной деятельности или признание жизненного подвига?

“Красный Север” поднял сложную и деликатную тему канонизации семьи последнего российского императора. Общественному мнению уже известны предварительные материалы специальной комиссии Русской Православной Церкви, исследовавшей вопрос о возможности канонизации царской семьи.

Ныне эти материалы представлены священноначалию для изучения. Право же окончательного решения о канонизации принадлежит Поместному Собору.

Жизнь последнего российского императора всегда вызывала большой интерес. Он мог быть скрытым, как в прошлые десятилетия, мог быть явным, как в наше время. Этот интерес долгое время подпитывался главным образом “разоблачительной” литературой, представлявшей царя Николая II либо “кровавым”, либо бездарным и безликим. Таким он рисовался и на страницах школьных учебников, а значит, таким и вошел в массовое историческое сознание не одного поколения россиян.

В последние годы российскому читателю предложена иная литература. Дошли до нас опубликованные в русском зарубежье мемуары тех, кто хорошо знал царя лично или в служебной обстановке. Стало возможным знакомство с царскими дневниками. Постепенно образ последнего императора стал освобождался от идеологических штампов. Мы получили возможность самостоятельно составить представление о человеке, которому от рождения было дано стать во главе великой империи. Мы увидели его во всем многообразии достоинств и обычных человеческих слабостей, в кругу семьи и на арене политических баталий. Нам дана возможность оценить дела и поступки Николая II и тогда, когда он был на Олимпе безграничной власти, и тогда, когда пришли дни унижений.

И что же? Стало ли мнение наше об императоре Николае Александровиче более верным и объективным? Стало ли оно общим, единым, как-то объединяющим нас? Полагаю, что нет. Дела и жизнь Николая Второго вновь отданы на суд политических пристрастий, только на этот раз - нашего времени. Восприятие Николая II как личности и государственного деятеля стало зависеть от политической и общественной ориентации современного человека, т.е. от

того, кто он - “демократ”, “патриот”, “жириновец” или, как стало модно говорить, “пофигист”.

Развалил страну, позволил вырваться Смуте, одной из самых кровавых в истории, опозорил монархию - говорят одни. Был верен русским традициям, хранил устои, но оказался слаб перед личной трагедией (неизлечимой болезнью наследника) - убеждают другие. Олицетворял собою прошлое, тянул назад, к азиатской деспотии, стоял на пути прогресса, отречение его вся Россия встретила с радостью, никто о нем не жалел - добавляют

Для людей нецерковных акт канонизации волей-неволей будет восприниматься чем-то вроде установки общегосударственного памятника (или - простите за такую аналогию - чем-то вроде присвоения звания Героя Социалистического труда) императору.

четвертые. Какая уж тут святость!

Голос тех, кто напоминает об искупительной жертве царского семейства, почти не слышен. Оценки Николая II стали еще безжалостней и пристрастней. А как же иначе, может сказать читатель: ведь речь идет не о простом смертном, а об императоре. Николай прежде всего государственный деятель, да к тому же, по общему мнению, оказавшийся далеко не на высоте задач и проблем своего времени, и именно в таком качестве он обречен на суд истории, суд человеческий.

Интерес к личности царя стал подогреваться и дополнительными обстоятельствами: в ушедшем 1996 году исполнилось сто лет коронации Николая II, а в наступившем - 80 лет со дня его отречения от престола. Через год - 130 лет со дня рождения последнего императора и 80 лет кровавой трагедии, разыгравшейся в подвале дома купца Ипатьева. Играет свою роль и ставшее фактом монархическое движение в нашей стране, а также таинственные слухи о возможной внезапной реставрации монархии сверху.

В этих условиях голос Церкви, призывающий взглянуть на смысл жизни и смерти последнего императора с позиций православия, представляется мне исключительно важным. Церковь ставит перед нами вопрос иначе - нет ли в жизни и смерти царской семьи явных признаков особого подвижничества, определяемого в православной

традиции словом “страстотерпец”?

Страстотерпец - это тот, кто проявил высокий образец христианской нравственности, терпения, мужества и безвинно принял насильственную смерть от “попавших в сети дьявола”. В числе страстотерпцев - известные в народе князья Борис и Глеб, князь Михаил Тверской, святитель Филипп, митрополит Московский и др.

Да, действительно, осознание преступности содеянного с царской семьей, слава Богу, стало сегодня нашим общим убеждением. Фото царской семьи есть ныне во многих семьях. Они вызывают неподдельное сострадание к убиенным и нередко - самые искренние симпатии. Они - жертва кровавой драмы революции. Но достаточно ли этого для того, чтобы людское сознание смогло воспринимать их как святых? Даже у людей светских и живущих вне Церкви и ее ценностей понятие о святости связано с высочайшими добродетелями и подвигами, заслугами перед людьми и Отечеством.

Одним словом, нужны дополнительные доводы. Для людей нецерковных акт канонизации волей-неволей будет восприниматься чем-то вроде установки общегосударственного памятника (или - простите за такую аналогию - чем-то вроде присвоения звания Героя Социалистического труда) императору. Состоится канонизация - и большинство наших соотечественников вновь и вновь будут искать эти дополнительные доводы не в скрытом от глаз внутреннем мире царя и его домочадцев, а в государственной и общественной деятельности последнего монарха. Поиски же эти обречены на бесконечные дискуссии, ибо на каждый успех в деятельности Николая II всегда можно найти сокрушительный провал. Нет сомнений в том, что канонизация породит соблазны новых пересудов и новых расколов.

Но мне думается, что и среди людей православных возникнут (а я знаю - уже имеются) свои вопросы к канонизации царской семьи.

С одной стороны, церковному сознанию близка и понятна сама идея страстотерпчества. Вечной и благодарной памяти достойно всякое подлинное страдание ради Христа. Еще более такой памяти достойна смерть, в которой ярко и наглядно проявилась глубочайшая преданность Христу. Дневниковые записи последних месяцев жизни Николая и Александры, письма близким не оставляют сомнения в их глубокой религиозных переживаниях

ЧИТАЮТ, ПОНИМАЕШЬ

ях и в каком-то новом переосмыслении всей своей жизни. Они полны чувства смирения перед волей Божией и готовности принести себя в жертву ради спасения Отечества. “Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души”, - писала императрица за четыре месяца до казни. Старшая дочь императора великая княжна Ольга Николаевна передавала в своем письме просьбу отца: “Чтобы не мстили за него, так как он всех простил и за всех молился”.

Все это, бесспорно, сильные доводы в пользу канонизации подвижничества царской семьи. Особенно, если учесть православное понимание подвижничества, то есть подвига. Подвиг есть не только и не столько совершение какого-либо героического поступка во имя Бога, во имя Родины или близких. Подвиг - от слова “двигаться”, совершать движение (каждый день, каждый миг) к Богу, к его заповедям, это ежечасный и бескомпромиссный уход от греха. Такой подвиг наиболее труден для человека и по-особому ценен в православном понимании смысла земной жизни. Очевидно, что семья последнего царя совершала именно такой подвиг.

Православному человеку понятно и то, что вопрос о святости не решается народным референдумом. Г.П. Федотов - один из самых глубоких исследователей русской святости - писал, что “Церковь знает о существовании неведомых святых, слава которых не открыта на земле”. Иными словами, не на земле решается, кто свят, а кто грешен.

И тем не менее акт канонизации обращен к земной Церкви. Она же, Церковь земная, руководствуется в числе прочих и мотивами, коренящимися в устоях земной человеческой жизни. А это означает, как пишет другой известный мыслитель В.Н. Топоров, что “выбор, совершаемый Церковью здесь, на земле, ограничивается человеческими возможностями, тем разумением, которому не дано полностью открыть небесную иерархию святых”.

И одно из таких ограничений состоит ныне в утрате (даже массовым православным сознанием) восприятия Монарха как Помазанника Божия. Идеалы православно понимаемой теократии (Богоправления) для многих ныне представляют лишь теоретический или исторический интерес. Они мало связаны с политическими идеалами большинства православных граждан нашего Отечества. А потому неизбежно сопровождающее прославление царской семьи в лике святых страстотерпцев возрождение концепций православной монархии волей-неволей добавит акту канонизации идеологическую окраску, мало способствующую единству тех, кто находится в церковной ораде.

В наше время мы особенно ждем идеалов, объединяющих и примиряющих страдающее общество. Наша Церковь веками указывала на такие спасительные идеалы. У их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Готовы ли мы сегодня всем сердцем и душой объединиться у образа с ликами трагически погибшей семьи последнего русского императора?

Александр КАМКИН,
доктор исторических наук,
профессор ВПТУ.

